

симости от определения этого понятия оценивались к 1980 г. на уровне 4–9% от ВВП [16, с. 75; 17], становится очевидным, что суммарные расходы американского общества на информационные отрасли — электронику и связь — заметно превышают расходы на энергетику.

Итак, в настоящее время можно указать по крайней мере три различных симптома, каждый из которых убедительно свидетельствует о начале перехода промышленно развитых стран на качественно новый этап технологического развития, который принято называть веком информации:

- 1) время удвоения объема накопленных научных знаний составляет уже 2–3 года;
- 2) материальные затраты на хранение, передачу и переработку информации превышают аналогичные расходы на энергетику;
- 3) человечество впервые в истории становится реально наблюдаемым на астрономических расстояниях «космическим фактором» — уровень радиоизлучения планеты Земля на отдельных участках радиодиапазона приближается по яркости к уровню радиоизлучения Солнца.

Однако если проблемы, которые принято объединять понятием «энергетический кризис», вызывают, как правило, общее понимание и предпринимаются организационные усилия на всех уровнях, чтобы обеспечить необходимую концентрацию сил для поиска путей их решения, то проблемы «информационного кризиса», которым отмечается переход промышленно развитых стран от века энергетики в век информации, все еще воспринимаются намного труднее. Здесь, по-видимому, все дело в отсутствии исторического опыта*. Как отмечал главный теоретик фирмы «ИБМ» Л. Бранскомб, 80-е годы — «это десятилетие, когда нам только еще предстоит узнать, каким он будет — век информации» [18, с. 8].

Информационные ресурсы

Растущая зависимость промышленно развитых стран от источников информации (технической, экономической, политической, военной и т. д.), а также от уровня развития и эффективности использования средств передачи и переработки информации привела к формированию на рубеже 80-х

* Во всяком случае, есть основания предполагать, что достаточно точно сформулировал около 100 лет назад сложившуюся сейчас ситуацию Козьма Прутков: «Многие вещи нам не понятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».